

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО МИРОПОРЯДКА, РОЛЬ В НЁМ РОССИИ (часть 2)

© 2017 г. **В.А. Кременюк***

Статья поступила в редакцию 19.04.2017.

Завершение холодной войны между США и Советским Союзом в конце 1980-х и начале 1990-х годов сопровождалось серьёзными изменениями в международных отношениях: распад социалистического содружества и самого СССР, появление однополярного мира, становление полицентрической системы. Всё это, так или иначе, затрагивало проблемы отношений между США и Российской Федерацией и формировало в них новую повестку дня. В итоге сложилась весьма непростая картина отношений соперничества и сотрудничества между Москвой и Вашингтоном.

Ключевые слова: *окончание холодной войны, формирование однополярного мира, соперничество – сотрудничество, новая повестка дня российско-американских отношений.*

Две разные точки зрения

Невнятное и не до конца ясное завершение холодной войны между СССР и США создало несколько проблем, решить которые не удалось до сих пор. Вместе с тем, без их разбора и исследования трудно ожидать благополучного продвижения процесса формирования нового мирового порядка. Здесь важны и детали анализа и обоюдное желание России и США найти общие точки соприкосновения, без которых невозможно даже просто ставить вопрос о новом порядке. Итак, что же это за проблемы?

Номер один – убедительный ответ на вопрос: чем же на самом деле закончилась холодная война: победой здравого смысла, победой одной из сторон, вничью, выигрышем всей системы? Доминирующий на Западе ответ: конечно же, холодная война закончилась победой Запада во главе с США. В пользу этого говорят такие весомые факты, как исчезновение международного коммунистического и рабочего движения в качестве участника пропагандистской войны, уменьшение влияния коммунистической партии в СССР и последовав-

* **КРЕМЕНЮК Виктор Александрович** – член-корреспондент РАН, Институт США и Канады РАН (ИСКРАН). Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., 2/3 (vkremenyuk@gmail.com)

Заключительная часть. Начало см.: “США ❖ Канада: экономика, политика, культура”, 2016, № 4, с.3–18. Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ проекта №15-37-11138.

ший за ним распад Советского Союза, образование группы стран – наследниц СССР и разделение их, в свою очередь, на тех, кто "ушёл за Западом" (Прибалтика, Грузия, Молдавия) и тех, кто либо остался верен старым идеалам (Белоруссия), либо решил создать какую-то свою новую систему (Украина).

Ясно, что простого ответа здесь ожидать не приходится. Нужно, прежде всего, понять, что это за тип конфликта – холодная война. Почему он появился на вооружении СССР и США, что можно считать "нормой" при завершении такого рода конфликтов. С точки зрения наблюдения за международными процессами, ещё хорошо, что конфликт завершился без стрельбы, без боя, но, что это значит для теории и практики международных отношений, надо ещё разбираться.

Вопрос номер два: а имеет ли смысл в принципе говорить о победе в холодной войне? Можно ещё согласиться с теми, кто утверждает, что вообще завершение вооружённого противостояния между Востоком и Западом без рокового столкновения – уже большое достижение. Не просто победа разума, а смесь разумного начала в противодействии с дисциплинирующим воздействием угрозы большой войны против населения стран-союзников и стран-соперников. И это также сыграло свою роль.

Короче, холодная война уже самим фактом своего существования создала весьма двусмысленную ситуацию: расход огромных ресурсов на подготовку к войне и одновременно понимание, что пускать в дело их нельзя. Между прочим, тема лекции президента США Дж.Ф. Кеннеди, которую он намеревался прочитать в Гарварде (как бывший выпускник) в 1962 г., как раз так и звучала: "Почему США и СССР тратят огромные ресурсы на создание оружия, которое никогда не должно быть использовано?"

Вопрос об оценке победы в холодной войне весьма глубок и имеет не одно измерение. Даже при том, что Советский Союз распался, утратил свои классовые союзы и объединения, ощущение победы Америки так и осталось эфемерным, существующим скорее на уровне впечатлений, чем фактов. Из опыта предыдущей истории всем хорошо знакомо, что победа в войне – это когда твои солдаты берут штурмом вражескую столицу и водружают знамя Победы над зданием правительства врага. Так закончил Вторую мировую войну Советский Союз. Далее следует акт капитуляции, оккупация страны вражеской армией, создание оккупационной администрации и прочие акты победивших держав.

Если же этого нет, если своя армия как была, так и осталась боеспособной, если она в состоянии защитить страну, если не существует ни одного документа, указывающего на согласие обеих сторон считать завершение их противостояния победой одной стороны и поражением другой, то возникает вполне обоснованное сомнение в уместности вообще разговоров о победе и требований соответствующего поведения другой стороны. Холодная война так и закончилась: обе стороны считали, что они победили и не хотели признавать за другой стороной права на равенство выигрыша или проигрыша.

Вот здесь проявилось острое противоречие между Россией и США, в котором Соединённые Штаты считали (и большинство американцев продолжают считать), что они выиграли войну, а в России этого упорно не признают.

И дело здесь не просто в разночтении исторических фактов и игре самолюбий, а в том, что, следуя своей логике "победителя" США не признают за Россией права на нечто большее, чем, например, статус КНР в Совете Безо-

пасности ООН в период холодной войны. Россия же считает себя в праве не просто обижаться на США, а требовать равенства в отношениях, что особо расстраивает американцев. Таким образом, разные оценки итогов холодной войны – не просто очередной предмет для полемики пропагандистов, а неумение и даже нежелание найти для итогов этого конфликта такие оценки, которые помогли бы примирить обе державы: в чём-то сохраняя паритет между ними, одновременно игнорируя его, как это часто делают в США, и при этом не уступать ни одной позиции и требовать соблюдения равенства.

Как представляется, речь здесь не идёт лишь о том, чтобы не задеть самолюбие другой стороны. Это-то как раз допускается. Проблема в том, как, на каких принципах строить новую систему международных отношений. Поставив сразу же после распада Советского Союза задачу построения моноцентричного, проамериканского мира, Соединённые Штаты, видимо, решили, что именно такой мир и будет отвечать их интересам. Вполне логичная и даже понятная задача, если видеть в ней только игру самолюбий. Но на самом деле холодная война привела к глубокому и даже трагическому кризису ресурсов, которых не хватало для построения нового мирового порядка.

Можно согласиться с теми специалистами по международным отношениям что в СССР (Г.А. Арбатов, Е.М. Примаков, А.А. Дынкин, В.Г. Барановский), что в США (в основном Г. Киссинджер и его окружение), которые считали, что приближение конца холодной войны объясняется двумя факторами: истощением ресурсов противоборствующих стран и ракетно-ядерным тупиком. Безусловно, и в СССР, и в США потребовались политики, способные не только понять бесперспективность и разорительность гонки ядерных вооружений (в СССР – А.Н. Косыгин, Ю.В. Андропов, М.С. Горбачёв, А.Н. Яковлев, в США – Дж. Кеннеди, Р. Макнамара, в какой-то степени Р. Рейган, Дж. Буш-старший), но и понимающие, что при всей видимости богатства развитых стран они не сумеют дать необходимый импульс росту экономики и решению сложных глобальных проблем. Надо было менять всю парадигму международного развития, хотя бы с участием идей У. Пальме, Г. Шмидта и других деятелей социал-демократии.

Но оказалось, что для смены парадигм требовался ряд условий: время, средства, добрая воля, интеллект, наконец, простое личное мужество. Ведь именно после окончания холодной войны время ясно показало сколь большая часть населения, деловых кругов, служащих, интеллигенции не просто зависимы от военных расходов, а поддались их давлению, стали верными агентами военно-промышленного и военно-технологического комплексов. И умудрённым политикам, особенно в России и в США, приходилось иногда идти на принятие непопулярных решений (типа закрытия оборонных предприятий), чтобы ограничить расходы на оборону. Безусловно, это требовало смелости и готовности рисковать своей политической судьбой, как это случилось с М.С. Горбачёвым.

Кроме того, когда нет признаков очевидной победы (в случае с холодной войной это так и произошло) надо искать сильные аргументы для того, чтобы обосновать потери и людские и ресурсов. Известно, что война всегда стоит дорого, даже когда она победоносна. Родственники жертв требуют ответа на вопрос о необходимости подобных потерь; собственники утраченного добра хотят не только получить компенсацию, но и правдивые ответы на вопрос о том, отвечает ли понесённый урон критериям целесообразности и в чём именно эта целесообразность состоит. Да и вообще, учитывая результативность современ-

ных вооружений, рост во всём мире антивоенных настроений, вопрос о цене войны и цене победы может стать неожиданно острым предметом споров и дипломатических баталий.

В целом имеются все основания полагать, что в отличие от предыдущих эпох, когда победа оправдывала всё (смерти, инвалидности, уничтожение ценностей и т.д.), сейчас многие проблемы ведения войны и её стоимости становятся предметом политических, морально-этических и прочих дискуссий. В качестве примера можно упомянуть прошедший не так давно на мировых экранах американский фильм "Спасти рядового Райана", в котором утверждается универсальная ценность человеческой жизни – будь то великий актёр или рядовой пехотинец, и баланс потерь, понесённых для достижения определённых целей, видится по-другому: никто – ни Родина, ни церковь, ни духовные пастыри не имеют права приносить в жертву жизни людей, особенно если эту жизнь кто-то хочет посвятить Богу войны.

Накопленные в мире за годы холодной войны запасы оружия, а также разросшиеся до гигантских размеров разного рода службы, деятельность которых связана с военным бизнесом, создали некий реестр военных возможностей, позволяющий поддерживать своего рода "милитаристическую субкультуру" в качестве одной из основ современного общественного, культурного и технологического бытия. Эта субкультура активно участвует в формировании политического и психологического климата насилия и утраченного, без которых уже просто немыслим современный образ жизни человечества. Вызывает особую тревогу то, что слияние милитаризма и этики не просто становится "нормой" современной жизни, а идёт параллельно увеличению типов и образцов вооружений, по которым часто определяют общий уровень жизни и культуры.

Всё это имеет прямое отношение к вопросу формирования общей международной системы после окончания холодной войны. Если обычно эта система не могла не учитывать военного фактора, но всё же больше опиралась на защиту суверенитета (так называемая "международная безопасность"), то сейчас в целом она не нуждается ни в оправдании, ни в апологетике, ни в приукрашивании. Она существует как факт жизни, и практически все страны (разве что за исключением самых отсталых и бедных) оказались в контексте соперничества в области насилия. Особо остро встал этот вопрос сейчас в связи с ростом фактора терроризма, который и венчает всю пирамиду борьбы за безопасность, а выигрывают в этой борьбе, главным образом, богатые и технологически развитые страны.

Россия: интересы союзничества и соперничества

Российские средства массовой информации – как официальные, так и неофициальные – бьют тревогу по поводу терроризма. Отчасти это можно понять, поскольку по оценке многих обозревателей, Россия прошла свой отрезок пути борьбы с терроризмом во второй половине XIX и первой половине XX века. До 1917 г. террором занимались те, кто готовил революцию: были убиты Александр II, несколько премьер-министров, министров, губернаторов. Одним словом, по оценке драматурга и писателя Э. Радзинского в этот период в России было совершено около 18 тысяч терактов, и далеко не всех преступников удалось схватить и предать суду.

Террор, но теперь уже официальный, продолжался и после революции. Число тех, кто пострадал от репрессий до сих пор уточняется (и дело не столько в отсутствии документов, сколько в том, что под влиянием пропаганды многие "преступники, враги народа" пострадали от "народного гнева", а эти потери никто и никогда не учитывал).

Поэтому Россия имеет все основания предлагать мировому сообществу борьбу против терроризма в качестве одной из его общих задач, в решении которых она готова сыграть свою роль (хотя бы в Сирии). Но, с другой стороны, сама постановка столь деликатного вопроса требует не меньшей аккуратности и осторожности при его обсуждении. Прежде всего это касается такой важной темы, как производство оружия, в том числе и поставляемого боевикам. Безусловно, лидируют США и Россия, хотя и здесь появились новые игроки: Китай, Индия, арабские страны. А ведь без установления юридически обстоятельного и ответственного контроля за производством оружия и его движением в мировой торговле ставить вопрос о борьбе против терроризма наивно и глупо: иначе получается гигантское, мировое и чисто пропагандистское шоу. Как раз те самые страны, которые производят больше всего оружия, и призывают к борьбе против террористов, всюю использующих их продукцию. Проблема эта не раз обсуждалась в ООН и, худо-бедно, экспертами как-то была отрегулирована. Но вот что делать странам типа России или Украины, состояние экономики которых тесно привязано к работе всего оружейного производства? Менять стратегии, идти на заведомые убытки, перестраивать органы управления? Вопросов больше, чем ответов, а ведь речь идёт о таких отраслях производства и источниках дохода, на которых была построена в своё время экономика всего развитого мира. Упомянуть об этих сторонах проблемы необходимо хотя бы потому, что иначе до конца не понять ни реальных масштабов перестройки международных отношений, ни возможной роли России в этом процессе.

Путь России, как великой державы, к современному статусу был достаточно трудным. До конца XVII века она была и воспринималась азиатским государством типа Иранской или Османской империи, требующим устойчивого контроля со стороны европейских держав. Великий Пётр своевременно распознал опасность, тающуюся в подобном положении дел, но, в отличие от русского боярства, принял вызов и понял, что защита интересов России не в закрытии страны от иностранных влияний (так думает до сих пор значительная часть российской элиты), а в активном заимствовании зарубежного опыта, технологий, знаний, в попытке согласования интересов с другими государствами, в построении международной системы блоков, основанных на общих интересах (в конце XVII – начале XVIII веков одним из таких блоков была борьба против османской Турции, а затем и против набиравшей силу в Европе Швеции). Со временем Россия стала участником многих коалиций, особенно англо-французской Антанты.

Здесь надо обозначить ряд важных моментов. Во-первых, как уже отмечалось, Россия вмешалась в борьбу за первенство в Европе, когда другие претенденты (прежде всего Англия и Франция) уже были её активными участниками. Во-вторых, у России был мощный импульс в лице бисмарковской Германии, которая, разгромив Францию в войне 1870–1871 гг., стала самым сильным и технически мощным европейским государством. В-третьих, Россию боялись в Европе, её воспринимали в качестве авангарда орды, традиционно нависающего над Европой. России с её евро-азиатским прошлым было трудно всё время доказывать

свою "европейскость" (в особенности пока сохранялось крепостное право) и пока европейский капитал завоёвывал позиции в угольной промышленности (Донбасс), в металлургии и машиностроении (Харьков) и других отраслях. Даже возможность военного союза России и Запада в то время не рассматривалась.

Тем не менее, с подачи Петра вопрос о роли России как крупной европейской военной державы встал со всей очевидностью. Россия отвоевала своё право на эту роль в бесчисленных войнах с Турцией, ограничивая её стремление поглотить юго-восточную Европу, особенно Балканы; Россия согласилась разделить с Англией бремя ответственности за Иран, Россия стремительно шла к Тихому океану. Её исторический марш-бросок от Балтики до Тихого океана в XII–XIII веках произвёл в Европе большой эффект (что во многом объясняло впоследствии радость европейских держав по поводу неудачных для Петербурга итогов войны с Японией 1904–1905 гг.).

Безусловно, итоги Второй мировой войны, роль России в разгроме гитлеровской Германии, её бесспорные военные успехи на своей территории и в Восточной Европе автоматически поставили вопрос о роли России в формировании нового мирового порядка.

Россия по праву стала постоянным членом Совета Безопасности ООН, сыграла выдающуюся роль в разгроме милитаристской Японии, в создании государства Израиль в 1947–1948 гг., в послевоенном устройстве стран Восточной Европы. Иное дело, что многое из этого воспринималось и трактовалось как стремление России к доминированию (весьма часто это было именно так), но в пользу европейской политики И.В. Сталина говорил предыдущий горький опыт расколотов на отдельные феодальные княжества Европы, в которой происходили бесчисленные свары и конфликты. Европа нуждалась в интеграции и стабилизации, и выдающуюся роль в этом хотел сыграть И.В. Сталин с его программой большевизации Восточной Европы.

Вызов Западом был принят, и проблеме интеграции Западной Европы он и начал решать с помощью "Плана Маршалла" (1947–1949 гг.); Договора об объединении угля и стали (1952 г.), постепенного продвижения к Римскому договору 1957 года. К сожалению, этот опыт был предан забвению, а попытки Запада найти другие модели в отличие от сталинских были расценены как враждебная деятельность. Режим Сталина продемонстрировал не только отсутствие способности найти общие решения в области экономики, но и затаил обиду на "недружественных друзей" страны. Переговоры быстро вышли за рамки уже имевшихся споров в области политики и стратегии (Берлинский кризис 1948 г.) и стали доминировать в отношениях между СССР и Западом. Дальше они уже шли по линии обострения и кризисного реагирования при очень важном и принципиальном исключении: своеобразная "вялая" реакция США на Суэцкий кризис 1956 г., в котором Англия и Франция решили шантажировать СССР угрозой удара по Египту.

Несмотря на отдельные успехи России и Запада в строительстве отношений сотрудничества и взаимопонимания на завершающей стадии холодной войны, построить "Общеввропейский дом" не удалось. Неожиданно для многих, в том числе в России и США, активную роль здесь сыграла Восточная Европа. В странах этого региона националистические силы воспользовались возникающими в США и некоторых странах Западной Европы страхами по поводу того, что ослабление напряжённости в Европе объективно содействовало росту влияния России: во-первых, выявлялась её европейская (в отличие от амери-

канской) идентичность, во-вторых, она разработала свою концепцию евроинтеграции; в-третьих, усиливалась её политическая роль в формировании стабильного системного снабжения Европы энергетическим сырьём. На Западе появились опасения, что ослабление напряжённости объективно усиливало позиции Москвы, что совсем не входило в планы тех, кто хотел закончить холодную войну в Европе как "победитель". Концепция расширения НАТО за счёт восточноевропейских государств получила зелёный свет.

Идея эта не просто похерила надежды на нейтральную Европу, она вызвала рост соперничества между странами региона в гонке за тем, кто первым войдет в НАТО. Так в Европе образовался абсолютно новый, отличный от прежнего политический климат. Украинский кризис подвёл черту под этим этапом неустойчивости, а России пришлось втянуться в борьбу за сохранение своей "европейскости".

Данный тезис имеет два аспекта. С одной стороны – это косвенное признание того очевидного факта, что и страны Европы и Россия принадлежат одному континенту – Евразии, и Москва всё чаще принимается в расчёт в документах по поводу его дальнейшей интеграции. С другой, страны Европы не намерены пускать Россию в свою сферу и уступать ей инициативу в строительстве новой мировой системы. Видимо, надо отдавать отчёт в том, что новая система международных отношений должна не просто быть вариантом прежней с добавлением новых элементов. Она действительно должна быть новой. А это уже переводит рассматриваемую тему в плоскость глобального соперничества, где у обеих сторон – и России и США – имеются свои ресурсы и свои сильные и слабые стороны.

The U.S. – Russian Relations: a New World Order Formation, and Russia's Place in It

(USA ❖ Canada Journal, 2017, No 6, p. 5-11)

Received: 19.04.2017.

KREMENYUK Viktor Aleksandrovich, Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRA). 2/3 Khlebnyy per., Moscow 121069, Russian Federation (vkremenyuk@gmail.com).

The end of the Cold War between USA and USSR in late 1980s and early 1990s was followed by a chain of profound changes in the international system: collapse of the world Socialist community, disintegration of the USSR itself, advent of the monocentric world, changes in the status of China, India, and other developing nations. All these events had an impact on the emerging Russian – U.S. relations. As a result a rather multi-color picture of relations between Moscow and Washington has emerged.

Keywords: *Cold War, monocentric world, conflict-cooperation relationship, new agenda in U.S. – Russian relations.*

About the author:

KREMENYUK Viktor Aleksandrovich, corresponding member of the Russian Academy of Sciences.